

Ж е н щ и н а.

Расовыя вліянія были совершенно не при чемъ въ образованіи условій, выпавшихъ на долю подруги мужчины и созданныхъ законодательствомъ и обычаемъ. *Теремъ*, какъ мы теперь знаемъ, не имѣетъ азіатскаго происхожденія. Подъ татарскимъ именемъ скрывался греко-римскій гинекей, передѣланный по византійскому вкусу. Славянскій міръ нельзя обвинить въ подобной тенденціи: напротивъ, онъ готовъ былъ упрочить за женщиной привилегированное положеніе. Въ этомъ пунктѣ большинство славянскихъ законовъ не согласуется съ римскими, германскими или скандинавскими: славянинъ не смо-

трить на женщину, какъ на существо низшаго порядка, находящееся подъ вѣчной опекой родственника-мужчины или даже низводимое на степень вещи, которой можно распоряжаться. На Руси, по закону Ярослава, штрафъ за убійство, *головничество* больше, если дѣло касается женщины, и она пользуется равными юридическими правами съ мужчинами до Судебника Ивана IV. Только въ 1557 году Грозный рѣшитсѣ посягнуть на этотъ принципъ и объявить недѣйствительной оговорку, которой женщина завѣщаетъ мужу управление своимъ состояніемъ. «Что мужъ прикажетъ, то жена и напишетъ», говорятъ сторонники новаго закона. Но и тутъ мы имѣемъ дѣло только съ простымъ признаніемъ факта и съ предосторожностью въ интересахъ самой женщины, а не съ лишеніемъ ея правъ.

Славянская Ева, даже на русской землѣ, относительно, торжествовала. Связано ли это, какъ думаетъ ученый историкъ славянскихъ законодательствъ, Мацейовскій, съ ея прикосновенностью къ жречеству въ первоначальныхъ славянскихъ общинахъ, или создалось такое положеніе по болѣе важнымъ причинамъ (такъ какъ участіе въ жертвоприношеніи является собственно уже слѣдствіемъ), фактъ остается фактомъ. Но въ Россіи Византія наложила на этотъ первоначальный фактъ печать своихъ собственныхъ понятій, заимствованныхъ, главнымъ образомъ, отъ язычества. Константинопольскіе компиляторы отлично усвоили приписываемый Солону афоризмъ: «мудрый ежедневно благодарить боговъ за то, что они сдѣлали его грекомъ, а не варваромъ, человекомъ, а не животнымъ, самцомъ, а не самкой». Они приняли къ свѣдѣнію мнѣніе Аристотеля, предоставлявшаго гражданамъ полную власть надъ дѣтьми, рабами—и женщиной; и они искусно вплели въ эти правила христіанскія понятія о происхожденіи грѣха и проклятія. «Что есть женщина?» читаемъ мы въ старинномъ духовномъ поученіи, попавшемъ съ Востока на Русь. Сѣтъ для уловленія мужей; свѣтлымъ своимъ лицомъ и ясными глазами она колдуетъ... Что есть женщина? Гнѣздо ехиднино. Ева византійскаго міра есть существо «двѣнадцать разъ нечистое», и всегда опасное. Въ нѣкоторые дни надо избѣгать сидѣть съ ней за однимъ столомъ, и мясо убитаго ею животнаго ядовито. Поэтому, въ московскихъ деревняхъ XVI в. можно было встрѣтить хозяекъ, бѣгающихъ въ поискахъ за кѣмъ-нибудь, кто бы согласился свернуть шею курицѣ, предназначенной для обѣда. Чѣмъ женщина красивѣе и моложе, тѣмъ она опаснѣе и гнуснѣе. Поэтому для печенія просвиръ берутъ только старыхъ женщинъ.

Чтобы ослабить зло и удалить опасность, женщину держать взаперти. Сидить она за двадцатью семью замками, заперта на двадцать семь ключей, чтобы не повѣяло на нее вѣтеръ, не палило бы ее солнце, не увидалъ бы ея лихой человѣкъ... Что касается до женщинъ высшихъ классовъ, то перечисленные въ народной пѣснѣ предосторожности приводятся въ буквальное исполненіе. Помѣщеніе боярыни, находящееся въ самой глубинѣ дома, похоже на тюрьму, и ключъ отъ нея у боярина. Ни одинъ мужчина, будь онъ самый близкій родственникъ, не можетъ туда проникнуть. Окна выходятъ на внутренній дворъ, защищенный высокимъ заборомъ отъ нескромныхъ глазъ. Это—тюремный дворъ. Обыкновенно тамъ есть часовня или молельня, гдѣ женщина молится; въ церковь же она ходитъ только по большимъ праздникамъ, и тогда ее окружаютъ всевозможными предосторожностями какъ и, вообще, при всѣхъ ея рѣдкихъ выходахъ изъ дому. Она ѣдетъ въ экипажѣ, напоминающимъ монастырскую карету, съ пузырями вмѣсто стеколъ въ дверцахъ, черезъ которые она все видитъ, не будучи видима сама; ее непременно эскортируетъ маленькій отрядъ слугъ, вродѣ пажей,—не то охранителей, не то шпионовъ. Большинство изъ нихъ никогда въ жизни не увидитъ лица такъ усердно оберегаемой госпожи, да и сами друзья хозяина не могутъ этимъ похвастаться. Въ принципѣ, жена не должна была показываться гостямъ своего мужа. Но дѣлалось исключеніе на пирахъ, когда хотѣли особенно почтить знатныхъ гостей. Въ серединѣ трапезы тогда происходила церемонія, гдѣ какъ бы отразились рыцарскія идеи Запада. По знаку хозяина, боярыня сходила по лѣстницѣ терема, въ самыхъ лучшихъ своихъ нарядахъ, съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ. Пригубивъ, она подавала его каждому гостю; затѣмъ, стоя на почетномъ мѣстѣ, она принимала ихъ почтительный поцѣлуй.

Все это, конечно, было въ обычаѣ только въ аристократическомъ классѣ. Въ этого класса, заточеніе казалось менѣе необходимымъ, опасность не такой страшной. Простая женщина была въючнымъ животнымъ, и ей можно было безпрепятственно предоставить хлопотать по хозяйству, полоскать въ общественной портомойнѣ бѣлье и работать на полѣ. Даже въ среднемъ классѣ *теремъ* существовалъ въ измѣненномъ видѣ. Въ большіе праздники жены мелкихъ дворянъ, купчихи и простолюдинки толпились на улицахъ вокругъ качелей и вертящихся колесъ, которые ставились въ это время и очень забавляли женское населеніе той эпохи. Аристократки имѣли ихъ во внутреннихъ

дворахъ своихъ жилищъ. Покачавшись, собирались для пляски на какомъ-нибудь лугу. Тогдашняя хореографія, кажется, была очень примитивна и страдала монотонностью. Стоя на одномъ мѣстѣ, плясуньи притоптывали ногами, кружились, поводили плечами, шевелили бедрами, во всѣ стороны покачивали головой, помахивали платочкомъ, и все это сопровождалось пѣснями и рѣзкой музыкой какого нибудь скомороха. Однако, Перссонъ видѣлъ въ этихъ забавахъ кое-какія не совсѣмъ невинныя подробности, въ родѣ того, что плясуньи довольно двусмысленно становились задомъ другъ другу и терлись мягкими частями тѣла; онъ слышалъ также пѣсни на довольно непристойныя темы.

И здѣсь опять мы встрѣчаемся съ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ слишкомъ строгаго религіознаго закона. Церковь запрещала самыя невинныя пляски и всѣ, рѣшительно, удовольствія. Но если передъ діаволомъ запирались двери, онъ влѣзалъ въ окно. Общественныя бани подавали поводъ къ болѣе серьезнымъ безчинствамъ. Казалось бы, оба пола были тамъ совершенно разобщены; но, вымывшись въ натопленныхъ баняхъ, мужчины и женщины, потные, разгоряченные ударами вѣяниковъ, встрѣчались у выхода: здѣсь они безъ стѣсненія вели оживленные разговоры, и бросались всѣ попеременно въ рѣку или валялись по снѣгу, съ крикомъ, шутками и прибаутками извѣстнаго характера.

Аскетическій режимъ находилъ здѣсь свой грязный стокъ.

Только вдова, имѣющая сыновей, почти всецѣло ускользала отъ этого режима. Въ жизни семейной, общественной, даже государственной, она пользовалась полной независимостью и совершенно равными правами съ мужчиной. Напротивъ, если она не имѣла мужского потомства, она попадала въ разрядъ сирыхъ и убогихъ, опекаемыхъ и руководимыхъ Церковью, но совершенно заброшенныхъ обществомъ. Такимъ образомъ, исключеніе подтверждало правило. Если, впрочемъ, дѣвственница или мать, Ева и была проклята во имя аскетическаго идеала, она могла возвыситься до него сама путемъ чудесныхъ добродѣтелей. Тогда она становилась святою во имя того же ученія. Но этотъ путь былъ, очевидно, особенно труденъ для нея, потому что въ Четьихъ-Минейхъ Макарія мы находимъ всего лишь два житія святыхъ женъ. Чуть ли русскіе агиографы не питали нѣкотораго презрѣнія къ немногимъ избранницамъ, хотя бы и признаннымъ Церковью. Слава святыхъ Ольги и Евфросиніи Полоцкой, жившихъ

въ X и XII вѣкахъ, нашла своихъ историковъ только въ XV столѣтіи. А вѣдь обѣ были княгинями!

Быль еще исходъ у тѣхъ, кто не могъ достигнуть подобныхъ вершинъ: міръ сверхъестественныхъ силъ, которому народное воображеніе приписывало такую важную роль въ жизни человѣка. Женщина, стоящая внѣ общества, презираемая какъ жена и мать,—возбуждала страхъ, какъ колдунья, и пользовалась почетомъ, какъ ворожея. Она царила въ волшебномъ мірѣ суевѣрій. Поэтому въ расколѣ, гдѣ суевѣрію отведено большое мѣсто, вѣчно-женственное начало обрѣтеть снова всѣ свои преимущества и выдвинется на первый планъ.

Но, по крайней мѣрѣ, были ли семейныя радости въ нормальной жизни удѣломъ женъ и матерей?
